

МИХАИЛ БАКУНИН

**ДАРЫ
КОСМОСА.
ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Михаил Бакунин

Дары Космоса. Часть первая

«Издательские решения»

Бакунин М.

Дары Космоса. Часть первая / М. Бакунин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981061-8

Что может заставить авантюриста, чуть ли не с рождения мечтавшего покорить другие небесные тела, полюбоваться инопланетными пейзажами и ощутить совсем другую их гравитацию, вдруг все бросить и срочно вернуться на родную планету? Поломка корабля? Желание снова вернуться домой? Или странные, подозрительно правдивые сновидения?..

ISBN 978-5-44-981061-8

© Бакунин М.
© Издательские решения

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дары Космоса

Часть первая

Михаил Бакунин

© Михаил Бакунин, 2020

ISBN 978-5-4498-1061-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-1062-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Я сидел в кресле и пытался вспомнить. Не знаю, что именно, но это странное чувство внезапно появилось и не хотело уходить. Будто бы я забыл про что-то важное, забыл взять это что-то с собой, но никак не мог вспомнить, что. Я в пятый раз перечислил в уме все, что надо было взять, и в пятый раз убедился, что ничего не упустил. Но чувство уходить не хотело. Я не стал обращать на него внимания и, посмотрев на время, начал обратный отсчет:

– Пять... четыре... три...

– О, господи! – выпалила Катя, сидевшая рядом в другом таком же кресле. Я, ни слова не говоря, продолжал:

– Два... один... пуск!

Все затряслось, нас прижало к спинкам кресел, и корабль, плавно оторвавшись от земли, полетел ввысь, прямо к небу. Моя спутница, которая и так тряслась от волнения, потому что первый раз летела в космос, сейчас прямо-таки завизжала. Ее радостный и волнительный крик был слышен даже сквозь шум двигателей. На высоте около десяти километров корабль стал слегка поворачивать и с ростом скорости постепенно изменял наклон полета, приближаясь к горизонтальному положению. Небо становилось все темнее, а солнце светило все ярче. Я нажал кнопку, и параллельно стеклам выдвинулись затемнители с ультрафиолетовыми фильтрами. Вдруг шум прекратился. На секунду наступила невесомость. Катя хотела что-то мне крикнуть, но, сменив винтовые двигатели, заработали уже ракетные, для космоса, и нас снова прижало к спинкам. На такой высоте воздуха было недостаточно, для того, чтобы винтовые двигатели обеспечивали хорошую тягу...

Сто пятьдесят один километр над поверхностью. Скорость – больше 8 километров в секунду. С момента взлета прошло 22 минуты. Я отстегнул ремни и потянулся. Мои руки коснулись потолка. Я оттолкнулся ими от него и прилетел обратно в кресло. Вдев ступни в закрепленные на полу петли, я посмотрел на экран. «Геркулес» находился на добрую тысячу километров выше и почти в пяти тысячах километров впереди нас. Мы летели быстрее него и первой космической скорости, поэтому догоняли его и отдалялись от Земли, приближаясь к его орбите.

– Боже, как это классно! – Катя тоже отстегнула ремни и летала туда-сюда по всему кораблю, отгалкиваясь от стен. – Даже не верится, что я наконец-то в космосе!

Скафандры перед полетом мы надевать не стали, полетели налегке, в футболках, шортах и носках. Я не один десяток раз летал на своем зонде в космос и полностью «доверял» ему, но службы безопасности «доверяли» намного меньше и поэтому порой сильно надоедали.

– Скоро привыкнешь – ответил я, не оборачиваясь, – лучше попробуй зависнуть на одном месте и набрать скорость, гребя как под водой. – Убедившись, что мы следуем точно по траектории, и проверив готовность стыковочного узла, я повернулся к Кате и расхохотался, увидев, что она прислушалась к моему совету. Не ожидал, что это будет настолько смешно выглядеть.

– Ты, – вырвалось у меня, – еще разными стилями «плавать» попробуй!

– Ага, – саркастически подхватила Катя. – Кролем там, на спине... Сам иди попробуй сначала!

– Лучше уж со стороны поглядеть! – улыбаясь, ответил я.

Длинные светло-русые волосы Кати развевались во все стороны сразу, частично закрывая ее румяное и чуть смугловатое лицо, и тогда она раздраженно убирала их назад, откуда они под действием сил женской красоты, тех невероятно слабых сил, какие можно заметить лишь в невесомости и без ветра, снова залезали на лицо, стремясь стать более объемными и воздушными. Грудь ее приподнялись и стали как будто больше. Земная гравитация словно сдерживает женскую силу, не дает ей проявиться в полной мере, и только в невесомости я имел удо-

вольствие наблюдать такое внезапное и довольно сильное преобразование. Но сама Катя этого у себя не замечала и как ни в чем не бывало завязывала надоедливые волосы в хвост...

Солнце было позади нас. Я стал подлетать к передним стеклам и задвигать с помощью кнопочек затемнители на них. Катя подлетела к ним. Открылся вид на нашу планету. Ее поверхность медленно двигалась, континенты сменялись океанами и наоборот. Над поверхностью, образуя причудливые завихрения, висели облака. Если хорошо присмотреться, можно было даже увидеть их тени на земле...

Через полчаса прозвучал сигнал. До «Геркулеса» оставалось пять километров. Я сел в кресло, пристегнулся и сказал Кате сделать то же самое.

– Видишь то яркое пятнышко? – Я указал ей на «Геркулес», который уже виднелся прямо по курсу.

– Вижу. Это и есть твой обещанный космический корабль для дальних...

– Он самый! – не вытерпел я.

Пятнышко увеличивалось. Стали проявляться неясные очертания корабля «Геркулес». Они становились больше и отчетливее. И вот уже можно было увидеть его форму. Он представлял собой цилиндр. На одном из его оснований виднелся полукруглый бугор – кабина. На другом основании был установлен большой пропеллер с вертикальными относительно его плоскости лопастями и четыре реактивных сопла с огромными топливными баками.

Когда зонд был уже совсем близко к кораблю, я перешел на ручное управление, притормозил и повернул к пропеллеру. Обогнув сопло, я стал медленно приближаться к центру пропеллера. Там находился стыковочный узел. Я включил автоматическую систему стыковки, бросил штурвал и затемнил все окна. Через минуту система пристыковала нас к «Геркулесу». Катя, до этого с величайшим любопытством наблюдавшая за процессом стыковки и кораблем, выдала:

– Очуметь! Вот это размерчик! – Я, взглянув повнимательнее, заметил у нее на коже крупные мурашки.

Эмоции ее прямо переполняли. Хоть я и видел «Геркулес» не один десяток раз и давно привык, но теперь, когда Катя им так восхищалась, я невольно подумал: «А все-таки, какой же здоровенный у меня корабль!»

Отстегнув ремни и подлетев к выходному люку зонда, я открыл его и стал открывать входной люк корабля. На меня пахнуло свежим и теплым воздухом. Я влетел в корабль, за мной влетела Катя. Мы оказались в коридорчике, который через три метра заканчивался обрывом. «Вниз» шла лестница. У моей спутницы на секунду пропал дар речи, когда она увидела, что было в этом «обрыве». С края коридорчика открывался вид на гигантский цилиндрический зал, в центре основания которого заканчивался наш коридорчик. В корабле не было верха и низа, и на «стенке» цилиндра по кругу, то есть «вверху», «внизу» и «по бокам» от нас были посажены разные растения. Они занимали практически всю площадь «стенки».

– Это же ботанический сад! И все это ты тоже на зонде сюда привез?! – удивлялась Катя.

– Только почву, семена и несколько деревьев. Сад вырос здесь.

– А зачем тебе столько растений?! – Катя с открытым ртом продолжала смотреть на сад с телефоном в руке. Я невольно тоже стал его внимательно разглядывать.

– Для еды и кислорода. А сама догадаться не можешь?

– Мне сейчас немного не до этого!

Катя на свой телефон успела сделать, наверное, с полсотни фотографий, три четверти из которых – селфи, до того, как мы оказались в корабле «Геркулес». Теперь же, пока мы «парили» в коридорчике, она фоткалась не переставая и корчила в камеру гримасы. Сколько же памяти было в ее бедном смартфоне!

И почему эти девчонки любят так много селфи делать? Боятся, что про их внешность все быстро забудут, что ли? Или хотят доказать, что они были во всех этих местах, где фоткаются,

хотя в Фотошопе и не так сейчас можно? Я не раз пробовал у них спрашивать и хорошо знал, что внятного ответа на, казалось бы, такой простой вопрос от них не дождешься. И с Катей скорее всего будет то же самое, если я спрошу у нее. Но все же...

– Катя, если уж фоткаешь, почему все время себя?

– Ой, да ты ничего не понимаешь! Лучше не отвлекай, – снова тот же привычный мне ответ с привычным сердитым тоном. Я ничуть не удивился.

Многие девушки очень сердятся, когда кто-то не понимает, почему они любят делать селфи, и пристаёт с «глупыми» расспросами. Для них селфи – это естественнее некуда, и при этом кто-то осмеливается задуматься над тем, почему так. Все равно что заинтересоваться, почему хищные животные охотятся, вот и сердятся...

««слева» от нас, припертая к основанию, стояла небольшая кирпичная постройка. Вдали, в ста метрах, ««цилиндр» заканчивался другим основанием. В центре него виднелось отверстие, к которому ««сверху справа» от ««стенки» вела такая же лестница, что и к нашему коридорчику. От него до того отверстия был натянут толстенный канат. Несколько таких же канатов были натянуты поперек ««цилиндра». Его диаметр составлял почти четверть сотни метров.

Я схватился за канат и, быстро перебирая по нему руками, полетел к противоположному отверстию. Катя полетела за мной, озираясь по сторонам и не забывая фоткаться то так, то эдак. «Стенка» цилиндра действительно очень напоминала ботанический сад. Там было не только великое множество разных растений: между ними кое-где петляли каменные тропинки, которые проходили мимо дивана, пластикового стола со стульями, ««деревенского» туалета, нескольких скамеек, даже кухонной плиты с холодильником и ящиками для продуктов. Мы долетели до такого же по размеру коридорчика, который представляло собой противоположное отверстие. В конце него стояло кресло и большой полукруглый стол, заполненный всякими разными кнопками, рычажками и экранами. Над столом было большое затемненное окно, тоже полукруглое. Все это была кабина. Я сел в кресло и включил панель управления, что и представлял собой стол. Загорелись экраны и разноцветные кнопки. Свет и вентиляторы для перемешивания воздуха работали постоянно и исправно. Я стал настраивать искусственную гравитацию, которая достигалась путем вращения ««цилиндра» вокруг продольной оси. Мне давно уже пришла в голову одна неплохая идея, и я поставил ««ускорение свободного падения» чуть больше обычного – 12 метров в секунду в квадрате. Затем нажал ««пуск», и корабль загудел. Начал работать тот самый большой пропеллер, что находился позади корабля, рядом с баками. За счет его вращения начал вращаться сам корабль, только в другую сторону. Кабина же вращаться не стала, как и топливные баки с соплами, чтобы удобнее было управлять движением ««Геркулеса». Через несколько минут нужная частота вращения была достигнута – это было видно на одном из экранов. Теперь ««низом» стала ««стенка», а ««верхом» – ось вращения корабля. В коридорчиках и рядом с веревкой была невесомость, а чем ближе к ««стенке», тем сильнее гравитация.

Я спустился вниз по лестнице. Катя была уже там и где-то гуляла. С непривычки было тяжело ходить, ведь мы больше часа провели в невесомости. Я начал искать глазами Катю, но ее не было видно.

– Катя, ты где? – крикнул я.

– Здесь!

Голос доносился прямо сверху. Я задрал голову. Прямо надо мной, на небольшом газоне лежала моя спутница и посмеивалась. Я подошел и лег с ней рядом.

– Ну как тебе мой корабль?

– У меня просто нет слов! И ты его сам построил?!

– Ну, конечно не я сам, но строили под моим чутким руководством. А когда построили, я испробовал его, слетав на Луну.

– Да-да, тебя тогда еще по новостям показывали... – ее голос вдруг изменился. – А все-таки, почему я?

– Почему ты – что? – я переспросил, хотя прекрасно понял, что Катя имела в виду.

– Почему ты именно меня взял с собой? У тебя есть куча друзей, много поклонниц с более пышными формами, чем у меня...

Я засмеялся.

– Чего ты смеешься? Разве для вас, парней, не только это имеет значение?

– В основном, только это нас и привлекает, – я сделал задумчивый вид. – Но иногда что-то в голове р-раз – и переклинивает, и после этого на формы вообще почти перестаешь смотреть.

– Почти, значит...

– Ну... так сказать, надо быть начеку, все-таки!

– Да?! – она скорчила гримасу как Николас Кейдж из знаменитых черно-белых интернет-мемов. – А давай я тоже начеку буду!

– Не-е, – ехидно улыбаясь, протянул я. – тебе не обязательно... Просто ты не такая, как остальные девушки. В тебе есть что-то такое... родное. Родное именно мне.

– Правда? – Катя сама не заметила, как покраснела словно помидор.

– Ага, – я обнял ее двумя руками. – Ну, или я просто серьезно болен.

– Да иди ты! – она вдруг отпустила меня, встала и куда-то пошла. В ее голосе слышалась притворная обида.

– А что я такого сказал-то? Со мной раньше этого ни разу не было... Катя!

Она обернулась.

– Ну не дуйся ты! Хочешь, я тебе вафельки утром испеку!

Она засмеялась.

– Идет! А ты, мой дорогой, просто влюблен!

– Может быть... Или серьезно болен, – улыбнувшись, повторил я. – Кстати, скоро полетим.

– Почему скоро? Давай сейчас.

– Сейчас не лучшее время. Если полетим через... – я посмотрел на часы, – шесть с половиной часов, сэкономим немало топлива. Просто планета, на которую мы сначала отправимся, через это время будет в оптимальной для нас точке пространства. И мы сможем долететь до нее с минимальными затратами топлива.

– Ничего не поняла, ну да ладно... – пробурчала Катя. – И какая же это планета?

– Марс.

– Ух ты! А я где-то читала, что на нем есть самый большой в Солнечной системе вулкан.

– И где же ты вычитала? Небось в Интернете? – усмехнулся я.

– Да, точно. Слава богу, не только мемы туда сейчас выкладывают!

Я посмотрел на большие электронные часы, которые были прикреплены к дальнему от нас основанию цилиндрического зала. Они показывали время в нашем городе. Хоть они и были в ста метрах от нас, я без труда разглядел, который час. Было уже девять часов вечера.

– В нашем городе уже девять часов. Пора бы уже сауну разогреть. Хочешь попариться на сон грядущий? – весело спросил я Катю.

Она снова вылупила на меня глаза. Казалось, еще чуть-чуть, и они вообще выпадут.

– А торгового центра у тебя тут часом не приделано?!

Я ничего не ответил. Катя продолжила, как ни в чем не бывало:

– А от сауны не откажусь, если что... Кстати, что у нас будет на ужин и когда он сам?

Катя очень любила поесть, особенно перед сном. Часто, когда мы с ней виделись, она обязательно держала в руке какую-нибудь высококалорийную булочку или шоколадный батончик. И, съедая это, доставала еще и ела. Но несмотря на такую привычку, ничуть не набирала вес, а оставалась такой же низенькой и стройной. Свой рост в метр пятьдесят восемь она откры-

венно ненавидела и очень обижалась, если ей кто-нибудь об этом хотя бы намекал. А намеки эти она могла найти, даже если их на самом деле не было.

Катя ко всему относилась как-то просто. Даже ко мне. Многие мои старые знакомые, которые знали меня еще до «Великого озарения», как я его называл, то есть, до изобретения Полувекового генератора, стали относиться ко мне с большим уважением, даже некоторым страхом. Будто тот, кого они так долго знали, был совсем не тем, за кого себя выдавал, и только недавно открыл свое истинное «лицо». Но Катю такая перемена ничуть не волновала, и она продолжала относиться ко мне, как к старому приятелю. Это мне в ней очень нравилось...

Я встал. Из-за повышенной гравитации слегка потемнело в глазах, но тут же прояснилось. Я залез по лестнице в кабину и включил на панели управления сауну, настроив температуру на сто градусов по Цельсию. Всегда любил круглые числа.

Я хотел было спускаться вниз, но внезапно хлопнул себя по лбу. Я же с Землей забыл связаться! Надев наушники в комплекте с микрофоном, я включил радиосвязь, но она не работала. Космодром находился от нас на другой стороне земного шара, и пришлось подождать минут сорок, прежде чем я смог выйти с ним на связь. Я сообщил, что мы благополучно добрались до «Геркулеса» и пристыковались к нему, корабль функционировал нормально и был полностью готов к полету.

День закончился хорошо. Мы попарились в сауне, помылись в душевой кабинке, стоящей тут же и отправились спать в просторной кровати, расположенной прямо в зарослях под большой яблоней. Ровно в десять часов выключался основной свет и включались сотни мелких белых светодиодов, расставленных по всему кораблю. Было темно, они были очень маленькими и светили прямо как звезды. Под их свет и тихий гул большого пропеллера, создающего гравитацию, очень хорошо спалось...

Я проснулся от мелких брызг, летевших мне прямо в лицо.

В три часа двадцать пять минут ночи заработали двигатели «Геркулеса». Бортовой компьютер, который я заранее запрограммировал доставить нас на орбиту Красной планеты, отдал им команду заработать с определенной тягой в определенное время, и утром корабль был уже в четырехстах тысячах километров от Земли, пролетая близко к Луне. Дело в том, что бортовой компьютер может сам строить оптимальные маршруты до других небесных тел с минимальными затратами топлива, стоит только внести в него данные о них, а также о других небесных телах: массу, размеры, периоды обращения... На этот раз компьютер решил использовать Луну, точнее – ее гравитацию для дополнительного ускорения в сторону Марса. Так и топлива истратится меньше, и доберемся быстрее. Всего примерно через месяц.

Каждое утро на корабле постепенно, с семи до восьми часов, тускнели «звезды» и загорался основной свет. Мы просыпались, когда он становился слишком ярким для того, чтобы при нем можно было спать. Вот примерный распорядок дня, по которому мы жили в корабле:

8:00 – включалась система полива растений. Я старался, чтобы они все до единого поливались такой системой, поэтому часть воды брызгала на скамейки, тропинки, и даже на нашу кровать, так что, если основной свет до восьми часов не разбудит, в ход пойдет вода. На кровать ее попадало немного, и она успевала оттуда испаряться задолго до вечера. После использования вода не выбрасывалась в космос. Она выпаривалась в специальных емкостях, чтобы потом ее можно было использовать повторно. Выбрасывался мусор, который накапливался в этих емкостях и который уже никак нельзя было использовать. Во время полива мы умывались и чистили зубы в закрытых кабинках, чтобы брызги не отвлекали.

Раз в неделю я увеличивал «ускорение свободного падения» на 0,5 метров в секунду в квадрате, так что, когда мы долетели до Марса, их было уже 14. Но мы успевали привыкать к этому увеличению и не замечали его.

Иногда на космодром приезжали наши родственники и отправляли нам сообщения. Спрашивали, как мы там, все ли у нас хорошо, как там в космосе живет. И мы им отвечали.

Связываться в режиме реального времени, как по Скайпу, было очень неудобно. Мы были далеко, и сигнал доходил до нас и обратно за несколько секунд, а потом и минут.

8:30 – завтрак. Обычно это каша из кукурузы, риса или пшена, которые росли на корабле и занимали больше половины его площади. Также здесь рос картофель, огурцы, морковь, лук, по паре яблочных, грушевых, апельсиновых и лимонных деревьев и небольшой газон, который упоминался ранее.

После завтрака я залезал в кабину, проверял функционирование корабля и подолгу смотрел на Красную планету, казавшуюся сначала яркой, слегка красноватой звездочкой, и с каждым днем становившуюся все больше. Затем я спускался вниз, и мы начинали придумывать себе занятия до обеда. Благо в грузовом отсеке было много всяких разных штук: теннисный стол, батут, беговая дорожка... Не особо и скучно было нам весь месяц!

13:00 – обед. Почти всегда это была картошка, макароны или суп, иногда с мясом, которое на корабле было в виде кур с петухом, поэтому так много нужно было нам крупы. Количество кур и петухов я сохранял неизменным – 9 и 1 соответственно. Если вылуплялись новые, приходилось убивать, выщипывать и готовить старых, тех, которым было больше двух лет, но я к этому давно уже привык.

После обеда опять развлекались как могли, потом вечером в сауну. После нее смотрели какой-нибудь из фильмов, которые я заранее накачал. Брали кресла-мешки, устраивались поудобнее на газоне, рядом с основанием «цилиндра». К основанию был прикреплен большой экран, и мы смотрели на нем кино. Затем ложились спать.

Через тридцать пять земных суток «Геркулес» благополучно долетел до Марса и вышел на его орбиту. Это произошло в 10:21 по нашему времени, и я решил сегодня же садиться на поверхность. Катя была только за. Местом посадки я выбрал долину между тремя самыми большими вулканами в Солнечной системе, к югу от Купола Юпитера.

Я полез наверх, подлетел к панели управления и нажал кнопку. Большой пропеллер перестал работать, и гравитация на корабле стала ослабевать (на самом деле пропеллер не останавливался полностью, а едва заметно продолжал вращаться, и «ускорение свободного падения» уменьшалось примерно до одной двадцатой метра в секунду в квадрате; то же самое было в корабле и до начала нашего путешествия). Затем я нажал еще одну кнопку. На основании возле лестницы открылась дверь в другой грузовой отсек. Я позвал Катю, чтобы она зацепилась за продольный канат и взяла то, что я ей передавал. Это был длинный мотоцикл с очень большими и широкими колесами. Катя очень удивилась, не ожидав увидеть такое в космическом корабле. Заметив, что он не был похож на обычный байк, она спросила:

– Его ты тоже сам сделал?

– Ага, – с гордостью ответил я.

– Ну ты крут! Будем на нем по Марсу кататься!

Я нажал кнопку, и дверь отсека закрылась.

– А мы долго будем на Марсе?

– Несколько дней, а что?

– Ничего, просто спросила... Нет, погоди! А если я там в туалет захочу?

– В зонде он есть, вместе с краном и раковиной, так что не волнуйся.

Мы переправили мотоцикл в зонд. Он едва прошел через стыковочный узел. Я сел за панель управления зонда и посмотрел, где эта долина. Она как раз была на подлете. Для верности я взглянул на планету. На горизонте уже маячил потухший вулкан Олимп, который легко можно было увидеть с высоты в триста пятьдесят километров, где пролегла наша орбита, и надо было уже готовиться к отстыковке и спуску зонда. Огромное количество разных продуктов, которые я предусмотрительно положил в зонд еще на Земле, сейчас очень кстати лежали в нем. Я закрыл выходной люк корабля и входной люк зонда. Мы сели на места и пристегнули ремни. Я скомандовал: «Отстыковка!». Стыковочный узел отцепился, и я, используя манев-

ровые двигатели, отодвинул зонд от «Геркулеса» и дал задний ход, слегка замедляя движение вокруг планеты и тем самым приближаясь к ней. Вскоре тепловые датчики стали показывать увеличение температуры корпуса. Я выдвинул шасси. Стало ощутимым возрастающее торможение. На высоте пятьдесят километров я включил винтовые двигатели. Мы стали быстро опускаться вниз, замедляясь все сильнее по мере возрастания плотности воздуха. Но полностью затормозить снижение мы не могли – слишком разряженный был воздух. Тогда я включил ракетные двигатели, и скоро мы совершили мягкую посадку на поверхность Марса.

– Сели, – с облегчением вздохнул я.

– Очуметь! Как слабо притягивает. – с интересом заметила Катя.

– Не то слово... в три раза слабее, чем у нас на корабле, – подсчитал я в уме и посмотрел на экран. – Температура за бортом -62 градуса, давление... 4,5 миллиметра ртутного столба. М-да, почти вакуум! Закат... или восход, – я взглянул в боковое окно. Солнце стояло невысоко над горизонтом, но учитывая то, что мы сели всего лишь чуть-чуть севернее Экватора, это мог быть либо восход, либо закат. – Во время приземления мы повернулись вправо примерно на 90 градусов, а перед этим... – я стал вспоминать – мы летели с востока на запад, против вращения Марса... значит, это только восход... Выйдем?

– Давай, Шерлок! И мотоцикл не забудь.

Мы надели скафандры. Низенькая Катя недовольно выглядывала из-за нижнего края стекла шлема только глазами и носом. На нее было забавно смотреть.

– Это ты так типа пошутил, да? – проворчала она.

Ее голос звучал глуховато – видимо, прямо перед ртом находился шлем.

– Я же не знал, что именно ты со мной полетишь. Скафандры-то я уже давно сделал. Тебе там удобно? Ничего не жмет? – меня разбирал смех, но я держался.

– Да нет, не жмет. – Она посмотрела на меня, и от этого стало еще смешнее, – Я, наверное, смешно выгляжу в этом скафандре... Что это с тобой?

– Да так, ничего, – я держался из последних сил, – ладно, пошли на улицу.

Только я отвернулся, как меня прорвало.

– Ненавижу тебя! – Катя невольно тоже начала посмеиваться...

Мы взяли мотоцикл и вышли на улицу.

Кругом, куда ни глянь, до горизонта простиралась гладкая степь, негусто усыпанная небольшими камнями величиной с кулак. Над ней светило маленькое и довольно тусклое Солнце, по сравнению с тем, которое я видел с Земли. Но несмотря на это, от него ощущалось тепло, которое приятно и помаленьку согревало мой охладевший нос.

Почва, казалось, была пропитана кровью – такой у нее был цвет. Конечно, красного оттенка здесь было намного меньше, чем на виде с орбиты, но впечатление такой цвет оставлял поистине «красное». Недаром Марс называли в честь бога войны!

Катя подпрыгнула почти на высоту собственного роста.

– Видал, как я умею?

– Видал, видал.

Она разбежалась и запрыгнула на зонд.

Я попробовал сделать заднее сальто, но слегка переборщил и упал на спину.

– Не, староват я для этого, – пробормотал я, поднимаясь на ноги.

Я встал и подошел к мотоциклу. С трудом поднял его над головой и повернулся к Кате:

– Лови!

– Ага, шас! – она, как бы защищаясь, выставила руки вперед.

Я поставил мотоцикл и завел.

– Спускайся.

Его двигатель издавал бы тихое гудение на Земле, но из-за разреженности местного воздуха этого гудения практически не было слышно. Загорелся экран с картой Марса, которую я

заранее закачал и настроил на нее гироскопы с курвиметром, а сейчас указал на ней местоположение зонда и мотоцикла. Теперь по карте, как по навигатору GPS, можно было ориентироваться, если отправимся в дальнее путешествие, что я и собрался делать.

– Садись, прокатимся! – сказал я.

Катя не заставила себя долго упрасивать и села сзади меня. Я посмотрел на карту и увидел на ней несколько невысоких холмов, начинавшихся примерно в пятнадцати километрах справа от нас. Я знал, что будет, когда я поеду, и отключил радиопередатчик, с помощью которого мы общались. И, похоже, не ошибся. Мотоцикл поехал, быстро набирая скорость, и я даже без передатчика слышал Катин визг, глухо и тихо передававшийся по ««жиденькому» марсианскому воздуху. Камни, которые попадались на пути, буквально ««заглатывались»» большими и немного спущенными шинами байка. На большой скорости я начал ощущать очень слабое сопротивление воздуха, хотя, возможно, мне это только казалось, потому что мы ехали очень быстро, и мозг мог создавать иллюзию встречного ветра, пытаясь восполнить недостающие ощущения, которые возникали при быстром движении на Земле. Хотя встречный ветер все же был – маленькая зеленая ленточка, привязанная к рулю мотоцикла, дрожала и извивалась на ветру.

Скоро из-за горизонта показались небольшие холмы. Одновременно с этим камни стали попадаться все реже и меньше по размерам, заменяясь на песок. Скоро они исчезли совсем. Поневоле я стал ехать медленнее: сцепление с грунтом и управляемость терялись почти на глазах. Холмы оказались песчаными дюнами. Не такими уж и небольшими – метров шестьсот в высоту и километр в длину! Неудивительно, что их указали на карте. Такие огромные дюны под действием ветров в такой разряженной атмосфере должны были образовываться сотни тысяч лет и перемещаться не быстрее земных континентов.

Мы заехали на вершину одного из холмов. Перед нами открылась пустыня. Не бескрайняя: километров через пять холмы заканчивались, справа и слева – тоже. Их было всего около трех десятков.

Я почувствовал себя лилипутом в огромной детской песочнице. Холмы стояли не рядами, а почти беспорядочно, будто весь этот песок был истоптан чьими-то гигантскими ногами. А справа спереди было даже нечто, напоминающее следы от колес огромной игрушечной машинки.

Я посмотрел вниз. У подножия холма что-то двигалось. Я стал приглядываться, но с такого расстояния не смог разглядеть, что это было. Тут же я заметил еще одно движение у подножия холма, но уже справа от нас. Я не поверил своим глазам и включил передатчик.

– Катя, ты это видишь? – я показал ей на странное полупрозрачное нечто, дрожавшее и медленно перемещавшееся по песку. Оно чем-то напоминало призрака. Катя посмотрела в ту сторону.

– Вижу! Это что, вихрь?

– Не знаю. Сейчас подъедем поближе и посмотрим.

Я направил мотоцикл в ту сторону, где виднелось движение. Не проехали мы и двухсот метров, как мне удалось разглядеть загадочного ««марсианина»». Это был обычный мини-торнадо, пылевой вихрь. Такое явление не редкость на Красной планете, здесь более благоприятные условия для его существования.

Мы подъехали к ««призраку»». Он был маленьким, не больше двадцатилитрового ведра, и с вершины холма мы видели скорее его тень, чем его самого. Вблизи он стал еще прозрачнее. Я сфотографировал его, отойдя подальше и попросив Катю встать рядом, пока он не отодвинулся. Через полминуты он почти внезапно «разрушился», начав забираться на холм.

Мы стали искать других «призраков» и фотографировать их. Они неожиданно возникали, несколько минут неспешно перемещались по песку и так же внезапно исчезали. Мы наделали с полсотни фотографий, потом сели на мотоцикл и поехали.

Наверняка есть немало людей, которые хотели бы остаться одни на всей планете. Довольно неплохая мечта: делай что хочешь, и никто тебе слова не скажет! Неплохая при одном только условии: если эта планета – Земля. А для тех, кто просто хочет побыть в одиночестве и вдали от суеты – летите на пару деньков на Красную планету – и одиночество будет ощущаться сильнее, чем в любой точке Земли.

Так думал я, проезжая километр за километром нескончаемую степь на этом пустом, холодном и безжизненном Марсе. Не верилось, что мы с Катей были единственными живыми существами на этой планете. Такие просторы – и совершенно никому не принадлежали, никто на них не жил. Мне вспомнился рассказ «Каникулы» Рэя Брэдбери, где семья – отец, мать и сын, очень уставшие от других людей – вдруг взяли – да и оказались одни на всей Земле, но даже там счастье их продлилось недолго.

Мы приехали назад, к зонду. Его бак был почти пустым, и оставшегося топлива точно не хватало, чтобы выйти на орбиту. Я включил специальную установку в конструкции корабля, которая могла расщеплять окружающий углекислый газ, из которого и состояла атмосфера Марса, на углерод и кислород, которые могли бы послужить топливом и окислителем. Газ поступал в небольшую емкость, скапливаясь там и создавая избыточное давление. Затем емкость герметично закрывалась, и газ многократно «простреливался» мощными лазерными пучками света в жестком ультрафиолетовом диапазоне, распадаясь в «прострелянных» местах на составляющие. Углерод в виде мелкого графитового порошка скапливался на дне и потом поступал в топливный бак, а кислород – в бак для окислителя. Затем в емкость поступала новая порция воздуха снаружи, и с ней происходило то же самое.

Одновременно с этим я включил еще одну установку. Она загребала грунт порциями. Порция поступала в другую емкость, где стоял нагревательный элемент. Туда же поступал воздух, создавая повышенное давление. Грунт нагревался, и с него испарялось немного воды, которая конденсировалась на холодных стенках емкости. Капли стекали в резервуар, в котором по всей его длине, ширине и глубине располагались пластины из нержавеющей стали. На них подавалось напряжение, и вода также распадалась на составляющие: водород и кислород, которые затем охлаждались и закачивались в газовые баллоны, которые я присоединил к установке. Это нужно было для «Геркулеса». Благодаря Полувековому генератору, который я изобрел несколько лет назад, у нас на все хватало электричества. Даже в скафандрах выдыхаемый нами углекислый газ успевал с помощью него распадаться на составляющие, как в установке зонда, и мы могли дышать в них почти сколько угодно – до пятидесяти лет. Именно столько времени генератор мог вырабатывать электричество – отсюда и название.

Мне пришла в голову одна идея. Я собирался завтра утром (по нашему режиму дня) отправиться на вершину горы Олимп, гигантского потухшего вулкана высотой в двадцать пять и шириной у подножия в пятьсот километров. Но он был очень далеко от нас, по моим расчетам, до него пришлось бы ехать на мотоцикле больше трех часов и столько же – обратно. И я решил переехать туда на зонде. Шасси можно было поворачивать рулем и даже приводить их в движение, словно колеса автомобиля. Наскоро пообедав, я, недолго думая, завел наш «дом на колесах» и, сверяясь с картой, поехал на запад, в сторону Олимпа. Катя, не ожидав такого поворота событий, чуть не подавилась чаем.

– Ты куда?! Он что, может ездить?!

– Может. А я на запад.

– Зачем?

– Поближе к вулкану Олимп. Просто он далеко, и я решил перебраться к нему поближе, чтобы потом на байке далеко не ездить.

– Давай лучше сейчас на байке поедem!

– Тогда получится часов восемь-девять. А если ты за это время в туалет захочешь? Лучше уж поближе перебраться.

После обеда мы весь оставшийся «день» (по нашему режиму) спокойно и неторопливо ехали на запад, потому что зонд не мог передвигаться быстро таким способом. Скоро степь закончилась, и началась пустыня. Не та, в которую мы ездили на байке. Эта была намного больше, и песчаные дюны здесь были не такими высокими. Мы проходили километр за километром, объезжая дюны и фотографируя панорамы. Тут и там попадались маленькие «призраки». Шасси стали увязать в песке и сильно тормозить зонд, но я тут же нашел выход из положения. Я уменьшил давление шасси на песок, включив винтовые двигатели. Они тянули зонд вверх, но не поднимали его над землей, а только уменьшали его вес, и зонд почти не проваливался.

«Вечером» надо было укладываться спать, и мы остановились. До вулкана оставалось чуть больше двухсот километров. Зонд не располагал кроватями, но мы захватили спальные мешки и улеглись прямо на полу, для мягкости подложив под себя скафандры. Пришлось затемнить все окна, потому что солнце хоть и садилось, но было еще высоко и внутри было очень светло, здешний суточный цикл немного не совпадал с нашим режимом дня. Местной солнечной радиации можно было не бояться – стекла были буквально напиханы огромным количеством микроскопических частичек свинца, который ее хорошо поглощал и не пропускал внутрь, не говоря уже о корпусе зонда.

Мы проснулись, когда только-только начинало светать. Но по режиму, было уже раннее утро, шесть часов. Я быстро почистил зубы, убрал затемнители с окон, завел «дом на колесах» и отправился дальше.

– Куда ты в такую рань? – лохматая Катя выглянула из-под спальника, сонно потирая глаза.

– Спи давай! – Я фыркнул от смеха, взглянув на нее. – Когда проснешься, мы уже приедем.

Небо на востоке постепенно окрашивалось в голубой цвет. Через три часа из-за горизонта показался уступ. Вспомнив особенности марсианской географии, которые я знал, и сверившись с картой, я понял, что это уступ горы Олимп. Я все ехал и ехал, а уступ почти не приближался. Он стал похож на огромную стену, высотой до пяти километров, которая простиралась далеко направо и налево, уходя за горизонт. С каждой минутой она становилась все больше. Через полчаса зонд, наконец, подъехал к ней вплотную и остановился. Мы, поскорее надев скафандры и взяв фотоаппарат, вышли на улицу. Перед нами стояла гигантская, почти вертикальная стена, уходившая далеко вверх и до горизонта в стороны. Было уже светло, небо на востоке светило ярко-голубым светом, и оттуда вот-вот должно было показаться солнце. Через несколько минут его край ярким светом осветил нас, и солнце стало медленно выплывать из-за линии горизонта.

Я, конечно, сфотографировал этот голубой марсианский восход, и мы вошли обратно в зонд. Несмотря на недавний завтрак, нужно было еще раз плотно поесть, потому что дорога предстояла немалая.

Ох, эти неблагоприятные марсианские условия! И мы, словно маленькие дети, которые рвутся погулять и отпрашиваются у мамы, вынуждены были покорно их выполнять. Идете гулять – не забудьте надеть скафандры, а то замерзнете. Надолго – поешьте поплотнее, а то проголодаетесь...

После еды Катя пошла гулять по пологому нижнему склону стены, а я надел большой рюкзак, положив в него то, что могло пригодиться, вытащил на улицу байк, и мы отправились покорять вулкан. Увидев кое-что на карте, я поехал направо вдоль стены.

Неподалеку, в сорока с лишним километрах, стена почти обрывалась, превращаясь в более пологий подъем, по которому можно было заехать, и мы начали забираться по нему. Проехав с десятков километров, мы забрались наверх. Я остановился и посмотрел на манометр, встроенный в мой скафандр. Он показывал давление 0,1 миллиметра ртутного столба. А внизу

было целых 4,5! Я осмотрелся. Вокруг лежали камни. Они были куда больше тех, которые мы видели – до одного метра в поперечнике. Некоторые просто лежали, другие торчали из земли. Поверхность горы состояла из борозд, видимо образовавшихся при застывании стекающей лавы, которая была у нас под ногами. До самого горизонта опять простиралась равнина.

– Мы забрались? – спросила Катя. – Какая-то плоская гора.

– Еще нет. Она ПОЧТИ плоская.

Солнце здесь светило в разы ярче, чем на поверхности. Я чуть не ослеп, случайно посмотрев на него и вскрикнув от неожиданности.

– Что такое? – Катя повернулась ко мне.

– Не смотри на солнце! – с этими словами я нажал кнопку сбоку на шлеме скафандра. Из него поверх стекла выдвинулся затемнитель. Я осторожно посмотрел в сторону солнца, сильно прищуривая глаза, и выдвинул второй затемнитель, потому что оно все еще было очень ярким. – У тебя сбоку такая же кнопка. Нажми два раза.

Катя нажала, и у нее тоже выдвинулись два затемнителя. Я поехал в ту сторону, куда вели борозды. Путешествие было долгим и изнурительным. Мы ехали почти два часа, останавливаясь, чтобы размяться, прежде чем доехали до обрыва. Ему тоже не видно было ни конца, ни края с боков. Впрочем, мы смотрели вниз и прекрасно видели то, что было там: обрыв заканчивался в паре сотен метров гигантскими «„ступеньками“», каскадом из нескольких обрывов и горизонтальных поверхностей. После каждого обрыва поверхность была все более протяженная и неровная, а следующий за ней обрыв – все менее глубоким. Все заканчивалось такой протяженной поверхностью, что она уходила за горизонт. Мы слезли с байка. Я сказал:

– Вот теперь забрались.

– А это что? Жерло вулкана?! – от этих слов у меня пробежали мурашки. Жерло действительно было огромным: справа и слева оно уходило за горизонт и даже не изгибалось дугой, не закруглялось.

В предплечья рукавов наших скафандров были встроены миниатюрные твердотопливные ракетные двигатели, которые позволяли запрыгивать на более высокие препятствия. И спрыгивать с них тоже. Топливо для двигателей получалось из окружающего воздуха по аналогичной схеме, что и в зонде, и по моим расчетам, здесь, на вершине Олимпа, их топливные баки могли полностью заправиться примерно за шесть часов, а при непрерывной работе двигателей все топливо уходило за десять секунд. Я немного помедлил, рассчитывая в уме время падения и работы двигателей, необходимой для того, чтобы замедлиться и не сломать при этом падении ноги.

– Что такое? – посмотрела на меня Катя.

– Да вот думаю. У нас на скафандрах есть специальные ускорители, с помощью которых наверняка можно туда спрыгнуть.

– Что за ускорители?

– Вот, смотри. – Я показал ей небольшую трубку, приделанную к рукаву вдоль предплечья. На локте она заканчивалась соплом. То же самое было на другой руке. – Только управлять ими весьма трудно. Я-то более-менее умею, а тебе сигать с обрыва вот так сразу слишком рискованно.

– Представляю себе... Тогда поехали искать спуск.

Я посмотрел по сторонам.

– Я пока не вижу такого спуска. Высокий обрыв до горизонта! И там тоже. – я посмотрел в другую сторону. – Хотя можно сделать вот что: ты поедешь на байке искать его, а я спрыгну здесь.

– Я же не умею на нем ездить. Ты хоть научи меня!

– Научись по ходу дела. У нас есть радиопередатчики. Они могут работать на больших расстояниях, надо только быть в поле зрения друг друга.

– Ну не знаю...

– Не знаешь чего?

– А вдруг я с управлением не справлюсь?

– Справишься! Мотоциклом легко управлять: крутишь ручку газа и поворачиваешь руль, тормоза как на велосипеде. Все просто.

– Тебе легко говорить!

– А ты попробуй!

Катя посмотрела на байк, потом в обрыв, видимо, тоже подумав, что лучше и намного легче научиться водить мотоцикл, чем ускорители.

– Ладно, попробую.

Она подошла к мотоциклу и села за руль. Я начал инструктировать:

– Значит так. Вот здесь – я показал пальцем на пластиковую фигурку в виде широкой буквы «<т>», торчащую из щитка справа под рулем – механический стартер, он двигатель заводит. Дерни за него.

Катя дернула, и из отверстия под «<ножкой>» буквы «<т>» потянулась веревочка, прикрепленная к этой «<ножке>». Затем она поползла обратно.

– Да ты посильнее дерни... Во! Уже другое дело!

Лампочка на панели, показывающая, работает двигатель или нет, на этот раз загорелась. Он тарахтел очень тихо, практически без вибрации, и его работу было весьма трудно определить по ощущениям.

– Теперь задвинь подножки. Просто чуть-чуть прокати его вперед... Так, ага. Теперь надо подождать немного, пока двигатель не заведется полностью.

В центре экрана светились большие цифры и знак %. Они показывали, на сколько процентов завелся двигатель. Через полминуты, когда они дошли до ста, на экране загорелась карта и наше местоположение на ней, а также спидометр и некоторые другие показатели, а цифры и знак исчезли.

– Теперь можно ехать.

Катя начала очень медленно и с опаской прокручивать ручку. Байк двигался от электродвигателей, и поэтому поехал так же медленно и плавно.

– Ты сильнее поверни, не бойся!

Катя, как и я, когда первый раз ездил на этом байке, быстро училась и смелела. Уже через десять минут она поехала искать подходящий спуск. Глядя на нее, я чувствовал такой восторг! Будто сам снова первый раз сел за руль мотоцикла и повел его. Я посмотрел Кате вслед и подошел к обрыву. Отключив передатчик, я глубоко вдохнул и проговорил:

– Ну, с богом! – я зажал в кулаках болтавшиеся возле кистей рук цилиндрические гирьки, на каждой из которых было по одной кнопке, и прыгнул.

Через восемь секунд свободного падения я вытянул руки вверх и нажал одновременно на обе кнопки. Из трубок с огромной скоростью подул горячими газами, тепло от которых я почти не чувствовал через скафандр. Реактивная тяга с силой потянула меня за руки вверх, замедляя мое падение, и я плавно опустился на поверхность. Ускорители проработали почти две секунды, значит, оставалось в запасе чуть больше восьми. Я включил передатчик. Послышались глухие стуки и шорох – Катя все еще ехала, причем, судя по звуку, довольно быстро. Все было слышно хорошо, помех пока не было.

– Катя, как слышно меня?

– Отлично. Спуск пока не нашла, обрыв продолжается до горизонта.

– Сколько проехала уже? – я обнулil курвиметр на байке перед тем, как она уехала.

– Два километра и сто пятьдесят метров. Пока ничего интересного. А у тебя там как?

– Спрыгнул!

– Молодец! Не страшно было?

– Не особо, я же сто раз так делал. Кстати, посмотри на карту. Может, на ней будет где-нибудь спуск?

Почему-то я раньше об этом не подумал.

– Сейчас посмотрю.

Я пошел к следующему обрыву. По дороге я остановился, достал из рюкзака небольшой отбойный молоток и отколол им кусочек застывшей лавы. Тут послышался голос Кати:

– Что ты там делаешь?

– Откалываю кусочек Олимпа. Привезем его на Землю, пусть изучают.

Я достал из рюкзака колбу и положил туда камешек, затем крепко заткнул ее пробкой. Тут снова послышался голос:

– Слушай, может мне обратно поехать? На карте есть спуск, но он в пятидесяти километрах отсюда.

– А в другой стороне?

– Тоже есть, но еще дальше!

– Ну тогда езжай обратно. Придется тебе ждать меня наверху.

– И сколько ждать?

– Часа два. Может, больше. – прикинул я. – Можешь пока покататься. Только далеко не уезжай!

Пройдя около ста метров, я подошел ко второму обрыву. Его высота была раза в четыре меньше высоты первого. Быстро рассчитав в уме время падения и работы ускорителей, я прыгнул. Через четыре секунды я запустил ускорители, которые проработали чуть меньше секунды, и достаточно плавно коснулся поверхности. У ускорителей оставалось семь с половиной секунд работы. Следующий обрыв был еще ниже, и на него потребовалось примерно полсекунды. Еще полсекунды потребовалось на снижение с четвертого и пятого обрывов вместе. Итого осталось шестьдесят процентов топлива. Вполне хватит на обратный путь.

Последняя поверхность простиралась до горизонта. Я это видел еще на самом верху. Она вся была неровная, в больших ямах и кочках, до нескольких метров в высоту и глубину, словно застывшее бушующее море во время шторма. Когда-то давно вулкан извергался, и чаще всего извергался очень слабо. Лава застывала, образуя ««пленку», которая при новом слабом извержении прорывалась, и на нее вытекала свежая лава, которая, образуя в этом месте небольшое поднятие, также застывала. Затем и она прорывалась новой лавой, которая тоже застывала поверх нее, образуя новый слой. Таких ««слоеных тортов» здесь было очень много, им не хватало места, и они при образовании ««сталкивались» или налезали друг на друга, образуя те многочисленные ямы, бугры, трещины и борозды, по которым я ходил.

Передачик издавал одни помехи, и я отключил его. Я снова достал отбойник, отколол кусочек и положил его в другую колбу – в разных местах состав лавы может различаться. Потом я еще погулял, сфотографировал виды и понял, что больше ничего интересного здесь не найду. Правда, я слышал, что внутри Олимпа может скрываться море из жидкой воды, а в ней даже может быть жизнь. Но это должно находиться на большой глубине под толстым слоем застывшей лавы, а у меня с собой был только небольшой отбойник, которым я бы месяцы прокалывал туда ход. К тому же, я не очень хотел уничтожать, возможно, целую экосистему, прорыв туда тоннель из практически открытого космоса. И я пошел обратно. Катя, наверное, уже заждалась.

За проведенное внизу время топливо немного накопилось в ускорителях, и когда я взобрался наверх, его осталось около сорока процентов. Я огляделся. Кати нигде не было. Я включил передачик, он издавал одни помехи. Я попробовал позвать, но никто не ответил.

– Черт! Сказал же ей не уезжать далеко! – недовольно и не без некоторого страха проговорил я, оглядываясь по сторонам.

Но Кати не было видно. Во все стороны до горизонта простиралась равнина, не считая обрыва, который был здесь же. Не похоже было, что я стою на вершине горы, слишком уж

ровная и пустынная была равнина. Я начал ходить туда-сюда и, поворачиваясь и глядя во все стороны, внимательно прислушивался, стараясь расслышать хоть что-нибудь среди шуршащих и шипящих звуков помех, но ничего такого по-прежнему слышно не было. Я смотрел на часы, которые были у меня на левой руке. Прошло пять минут, десять, а Катя все никак не появлялась. С каждой минутой на душе становилось все тревожнее. Помехи продолжали шипеть прямо в уши, и я со злостью отключил передатчик. Я присел на первый попавшийся булыжник и невольно начал представлять себе ужасные вещи. Может, моя подруга не справилась с управлением и свалилась в обрыв! Или наехала на крупный камень и разбила стекло скафандра! А может, она решила меня бросить... Нет, ну так она точно не могла сделать! К тому же она очень осторожная. Вряд ли она могла потерять управление. Да и байком очень легко управлять! И большой камень она бы издали заметила, тем более, что камней здесь довольно много. Но проходили минуты, и тревога стала наступать с новой силой. Я включил передатчик, но он снова издавал одни помехи. Я испугался не на шутку! А вдруг и правда, с ней что-то случилось. А я здесь сижу! Надо идти ее искать. Но куда? Я было встал, но тут же опять присел, осознав, что не знаю, куда пойти, ведь Катя могла уехать в любом направлении. Помехи опять надоели, и я со злостью снова отключил их.

Время шло. Солнце уже светило почти в зените. Я в совершенной растерянности сидел, опустив голову, и чуть не плакал от страха, думая, что еще десять минут, и я пойду к зонду пешком. Я уже чувствовал слабый голод, ведь по нашему режиму, было уже три часа дня. Я сидел здесь почти полчаса и ни о чем уже не думал, только считал эти десять минут. И вот от них осталось пять... четыре... три минуты. Я в последней надежде опять включил передатчик и опять ничего кроме помех не услышал. Вдруг что-то коснулось моего плеча. Это было настолько неожиданно, что я подскочил на пару метров и грохнулся на спину. На лбу мгновенно выступил пот. Надо мной стояла Катя и, судя по ее едва заметным рывкам, посмеивалась. Я смотрел на нее и приходил в себя. Постепенно я начинал радоваться тому, что она наконец-то вернулась. Она протянула мне руку. Я схватился за нее, и Катя без труда подняла меня на ноги.

Она, по-видимому, пыталась мне что-то сказать. Я включил передатчик, но опять услышал помехи. Мигом сообразив, что это могло значить, я нажал кнопку передатчика у Кати. Тут же послышался громкий голос:

– Ой, спасибо! Совсем забыла, что у меня передатчик выключен! А ты чего так согнулся, когда сидел? Что-то случилось?

Из-за затемнителей мы не могли видеть лица друг друга, но Катя, видимо, слышала мое громкое и частое дыхание, поэтому задала последний вопрос уже тише и не так весело. Я прямо взорвался.

– Передатчик? Передатчик выключен?! Я думал, тебя уже в живых нету!!! Ты мало того, что исчезла непонятно куда больше чем на полтора часа, так у тебя еще и передатчик выключен! Говорил же: не ездь далеко! Я уже хотел своими ногами до зонда идти, понимаешь?! Ведь откуда мне было знать, где тебя искать?! – кричал я скорее не потому, что Катя действительно провинилась, а для того, чтобы побыстрее снять напряжение и прийти в себя.

– Да не кричи ты так! Ну да, я забыла про передатчик, но я не знала, что ты так быстро вернешься. Прошло только полтора часа, а ты сказал: часа через два, может, больше. Да я и не ездила далеко – всего километров за десять. Зато я там такое нашла!..

– А почему тебя так долго не было?... – я уже окончательно пришел в себя и, услышав последние слова, поинтересовался. – И что ты там такое нашла?

– Пещеру! Такая дыра прямо в земле! Она уходит глубоко вниз, только не вертикально. И я спускалась туда! Там было темно, но я воспользовалась вот этим фонариком – она достала его из нагрудного кармана скафандра и показала мне, – он лежал в этом кармане. Сильно глубоко я не стала спускаться. Но тоннель все вел и вел вниз. Он какой-то слишком прямой:

никуда не поворачивал, не менял наклон... Да что я тебе все рассказываю, поехали, сам все увидишь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.